

*В. Я. Ищенко,
краевед (Екатеринбург)*

Неизвестные материалы из архива Н. К. Чупина

Развитие горнозаводской промышленности на Северном Урале началось с деятельности верхотурского купца Максима Михайловича Походяшина. Н. Чупин, описывая его деятельность на Богословских заводах, впервые показал свои глубокие знания архивных материалов по горнозаводскому Уралу.

Его публикации по Северному Уралу и сейчас являются приоритетными среди публикаций других исследователей, так как отличаются достоверностью и точностью приводимых сведений.

Даже неопубликованные материалы из его архива представляют большую ценность и полезны специалистам, интересующимся историей Урала. Некоторые архивные документы, из которых он делал выписки, сейчас уже невозможно отыскать. Но ценны они не только этим — по ним можно проследить замысел автора.

Обидно, что материалы, так скрупулезно и с таким трудом собранные Н. Чупиным, продолжают оставаться неизвестными.

Например, всем известно, что месторождение боксита на «Красной шапочке» было открыто И. А. Каржавиным в 1931 г. Но в архиве Чупина находим, что заявку на это месторождение подал Походяшин еще 19 июля 1762 г. Тогда месторождение боксита было принято за месторождение бурой железной руды. Отвод земли под рудник производил известный в то время унтер-шихтмейстер Василий Раздеришин. Своим «Репортом» от 9 декабря 1762 г. Раздеришин докладывал в Канцелярию Главного заводов правления об отводе месторождения (1). В следующем году на нем было добыто 11900 пудов руды, которая привезена на Петропавловский завод и 8000 пудов ее осталось при руднике (2).

Походяшин с большим упорством пытался получить из боксита железо, но плавка не получалась. Тогда он решил измельчать руду. Для этого им была построена толчея с 9-ю пестами (3). Но и это мероприятие не помогло расплавить руды

Из-за максимального нагрева руды домна несколько раз выходила из строя. В конце-концов, от плавки загадочных руд Походяшину пришлось отказаться, и месторождение 170 лет оставалось без разработки.

Так благодаря архивам Н. Чупина, стала известна дата освидетельствования первого в мире месторождения боксита. (Официально считается, что первое месторождение боксита было открыто на юге Франции в начале XIX века). Хочется надеяться, что ученые примут к сведению такую информацию и внесут ее во вновь выпускаемые справочники и энциклопедии.

Остается загадкой и интерес, проявленный Чупиным к месторождению боксита. Он не случаен, так как приисков у Походяшина было более 300. Видимо, Чупин догадывался, что в руде таится какой-то новый металл.

В архиве Н. Чупина можно найти и сведения по отводу первого медного прииска тайному советнику и сенатору Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому в Заозерской даче, сделанным Петром Резановым в сентябре 1782 г. и расположенный за рекой Сосьвой в 8 верстах от нее. Отвод был сделан Резановым самовольно без соответствующего указа и сначала признан незаконным, так как земли за Сосьвой принадлежали вогулам.

Только в 1823 г. Всеволожские смогли получить разрешение на отведенные земли под завод и рудники в Заозерской даче. В спор за земли в Заозерской даче включились Богословские казенные заводы и Строгановы. Вопрос этот рассматривался не только в Правительственном Сенате, но и царем (4).

Сведений о времени появления Всеволожских в Заозерской даче в современных источниках нет, хотя именно со Всеволожских начиналось освоение Северного Урала за Богословским округом. Видимо, Н. Чупин хотел осветить этот важный вопрос, который и в настоящее время еще не исследован.

Но самым большим неопубликованным материалом в архивах Н. Чупина остается его подборка архивных документов по поиску месторождений золота на Северном Урале во времена Походяшина.

Из этих материалов известно, что для этих целей была создана компания в составе верхотурского купца Петра Енталцова

(Ентальцева), разночинца Григория Посникова (Постникова) и заводовладельца Максима Походяшина.

Подборка материала представлена в довольно полном объеме и, по всей вероятности, готовилась Н. Чупиным к публикации. Неизвестно, что могло помешать ему опубликовать этот материал. Возможно, не было полной ясности, и он искал дополнительные сведения.

Действительно, отказ от разработки найденных нескольких золотосодержащих месторождений на Северном Урале так и остается загадкой. Нельзя сказать, что все они были бесперспективными. Известно, что после перехода заводов в казну один из них — Воскресенский — стал разрабатываться на золото и функционировал до 1826 г.

Работа на нем была приостановлена только лишь после открытия богатых приисков рассыпного золота (5).

Первая находка коренного месторождения золота на Северном Урале произошла в 1768 г. в верховьях реки Оленьей (у подножия горы Кумбы, в 19 верстах от г. Североуральск) (6). Его нашли рудознатец Григорий Посников и верхотурский купец Петр Енталцов.

После находки первого месторождения ими была развернута большая поисковая работа по всему Богословскому округу. В результате было найдено еще несколько золотосодержащих месторождений.

Известно, что Григорий Посников искал руды для Походяшина более 13 лет (с августа 1754 г. — по июнь 1768 г.). За это время им было найдено 10 медных и 5 железных приисков, не считая двух железных приисков, открытых на Колонге еще до августа 1754 г. (7).

От Походяшина он получал довольно приличную плату 300 рублей в год. Но в 1768 г. он тайно бросает работу у Походяшина и переключается на поиск золота. К себе в компанию он приглашает Верхотурского купца Петра Енталцова. Уже через несколько месяцев они заявляют о находке трех месторождений золота (8). Со своими открытиями Енталцов и Посников направляются прямо в Тобольск к сибирскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину. Вслед за ними и Походяшин посылает письмо Чичерину. В нем он сообщает, что Енталцов и Посников нашли

золото недалеко от Петропавловского завода и делают это не для того, чтобы найти разные металлы, а для того, «...чтобы тем самым сделать моему заводу помешательство».

Чичерин, выслушав Енталцова и Посникова, отправляет их в канцелярию Главного заводов правления и отмечает, что они, «наделав великих придерзостей», требовали «... дачи им открытого указа для поиска руд» (9).

Испытав руды в лаборатории и найдя в образце с верховья реки Оленьей знак золота, канцелярия повелела им доставить руды для испытания в большем количестве.

Одновременно с этим, чтобы вернуть Посникова к себе и приостановить их работу по поиску золота, Походяшин пишет письма во все инстанции, в которых сообщает, что Посников взял у него много товаров и денег, и, не рассчитавшись с ним, переключился на поиск золота вместе с Енталцовым.

Находка золота являлась неординарным событием, и, конечно, никто не стал задерживать Посникова. Наоборот, ему выдали билет «на поиск и добычу всяких металлов».

На следующий год Посников и Енталцов доставляют руды в нужном количестве в лабораторию. Испытав их, лаборатория объявила, что в рудах с горы Кумбы золота не оказалось. Такое заключение вызывает недоумение, так как в первый раз было представлено всего 2 фунта руды, и в ней был обнаружен знак золота, а в двух пудах той же руды ее вообще не оказалось. Сомнение подкрепляется и следующим эпизодом: когда в следующем году на Кумбу поехал знаменитый ученый П. Паллас, то проводник, предоставленный от Петропавловского завода, повел его по болоту и по труднопроходимым местам. В результате, Паллас добрался до прииска лишь поздно вечером и, не обследовав его, вынужден был покинуть это месторождение.

Аналогичный случай произошел и с другим месторождением. В образцах, доставленных в канцелярию Енталцовым и Посниковым в 1769 г., золото обнаружили в другом месторождении, расположенном в 13 верстах от Тылайского зимовья — на Белом камне. В образце был замечен знак крупного золота. Но когда из месторождения были взяты повторно образцы руд, то в них вновь не оказалось золота (10). Паллас побывал и на этом месторождении. Даже при беглом осмотре заметил в

кварце золото и считал месторождение перспективным. Он был очень расстроен, когда узнал, что работа на нем приостановлена из-за выклинивания золотосодержащей жилы.

События с разработкой золотосодержащих рудников складывались так, как этого хотел Походяшин. Оба месторождения были признаны неперспективными. Енталцов и Посников, не имея ни людей, ни денег, взяли в свою компанию Походяшина, надеясь с помощью его денег и приписных крестьян развернуть работы на месторождении, но этого не произошло. Не исключено, что Походяшин умышленно предпринимал меры для признания месторождений неперспективными.

Странно в этом деле и то, что испытание руд производились всегда без определения количества золота в рудах. В основном, в заключении указывалось на присутствие в пробах знака золота.

Енталцова и Посникова не сломили отрицательные заключения, и они вновь находят золото на первом месторождении — на Кумбе. В 1773 г. последовал специальный указ от Канцелярии Главного заводов правления на отвод земли под рудник и под построение золотопромывального и плавильного завода. Отвод земель под завод и рудники производил пробирный мастер Панфил Вонявин (11). Для ускорения разработки золотосодержащего рудника решено было временно использовать плотину, построенную Походяшиным на Истоке из Троицкого озера, которая употреблялась им как источник дополнительного запаса воды для Петропавловского завода. На построение золотопромывального и плавильного завода не было выделено казной ни денег, ни приписных крестьян. Естественно, завод не был построен.

В 1769 г. Енталцов и Посников нашли золото и в медном руднике. Он находился «по течению Вагран на правой стороне, от него около 5 верст, а от Княспинского озера в 2 верстах, поблизости болота при небольшом угоре». Разработка этого рудника производилась еще в старинные времена. Назывался он Верхне-Вагранским. В нем было обнаружено не только золото, но и серебро.

Енталцов и Посников оспаривали его у Походяшина, доказывая, что они нашли его раньше Походяшина, который уже после их находки «... вызвал к себе вогул и несколько дней

поил их допьяна, и уговорил указать ему прииск». Сила Городков действительно подтвердил, что он указал прииск Походяшину, за что получил вознаграждение. Он сообщил, что Енталцов и Посников на этом прииске стесали его затески на деревьях, где он поставил свое «тамго» (личный знак, используемый вогулами вместо подписи) (12). Городков якобы знал в этих местах еще 10 медных приисков.

Верхне-Вагранский рудник был отведен Походяшину, и он сразу же стал его разрабатывать, несмотря на отдаленность от завода. На нем было добыто 15 000 пудов руды. Сколько содержалось в них золота и серебра, неизвестно. Если исходить из содержания золота в рядом расположенном медном прииске, который был открыт людьми А. С. Строганова в 1770 г., то в 100 пудах руды содержалось золота до 7 золотников. Для Строганова определялось и количественное содержание золота в пробах (13).

Не исключено, что Походяшин тайно добывал золото из медных руд значительно раньше, чем они были открыты Посниковым и Ентальцовым. Об этом свидетельствует следующий случай: когда на Петропавловский завод в 1766 г. приехал гранильных дел мастер Семен Ваганов по указанию Якова Ивановича Данненберга (начальника «Экспедиции по изысканию в Екатеринбурге, Оренбурге и протчих местах разных родов цветных камней») для осмотра объявленных Походяшиным цветных камней, для выбора места под строительства камнеобрабатывающего завода и для определения стоимости малахита, добываемого в его рудниках на краску, то Походяшин заявил, что отдает его бесплатно, но чтобы «...оная руда промывана была на месте у него Походяшина, чтобы та глина не пропала в туне, которая останется от промывания краски для того, что тут сыскаться может несколько меди» (14). Малахитовая краска имела значительно большую стоимость, чем медь, получаемая из глины и, по всей вероятности, в осадке от промывки глины и малахита оставалась не только медь, но и золото.

Енталцов и Посников, после неудачного итога разработки золотосодержащих рудников, переместили свой поиск на восток в пустынные места к реке Сосьва и в 1775 г. находят ней еще два медных месторождения. Испытание руд показало, что в одном из образцов имелось золото. Второй содержал только медь. Для

освидетельствования приисков и отыскания удобного места под золотопромывальный и плавильный заводы, был направлен унтер-шихтмейстер Иван Кузнецов (15). После приезда на Петропавловский завод, он сообщает, что в свою компанию Енталцов и Посников приглашают и Походяшина. Для этого имелось письменное согласие Енталцова и Посникова (16).

Обследовав месторождения, Кузнецов заявляет, что прииски являются благонадежными и есть удобное место под завод на озерном истоке, впадающем в реку Шегультан. Располагалось оно в 12 верстах от рудников. Было даже дано название приискам и золотопромывальному заводу: прииск с золотом и медью назван был «Воскресенским», прииск с медью у реки Пуи — «Петровским», а завод — «Павловским».

При испытании образцов, привезенных Кузнецовым, в них вновь не оказалось золота (17). Енталцов и Посников продолжили дальнейшую разработку рудника, которая показала, что золото в рудах имеется.

В 1778 г. компания получает разрешение на постройку завода. Но для строительства завода и разработки рудника им вновь не были даны деньги и не приписаны крестьяне, хотя компания обращалась в Канцелярию Главного заводов правления с просьбой приписать к заводу Верхотурских и Пелымских крестьян. Для описания крестьян Пелымского района Канцелярией Главного заводов правления был направлен Кузнецов. Но приписки крестьян так и не последовало.

Деньги на строительство завода пытались выделить Походяшин и Енталцов в 2 тысячи и 500 рублей соответственно. Такой суммы было недостаточно даже для разработки рудника. Естественно, и этот завод не был построен.

Таким образом, найдя четвертое месторождение золота и не получив никакой поддержки, Енталцов и Посников поняли, что им никогда не построить завода, и они в 1780 г. продают свои участки с приисками тайному советнику и сенатору Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому за 24 тыс. руб. Походяшин, узнав об этом, стал оспаривать сделку, так как и, кроме того, еще в 1769 г. откупил земли у вогул в Заозерской даче, где располагались эти рудники.

Так безрезультатно закончилась эпопея с добычей золота на Северном Урале, хотя для добычи золота имелось все: найдено несколько коренных месторождений; проведено их обследование; получены указы; выбраны удобные места для постройки золотопромывальных и плавильных заводов; выполнена разведочная разработка рудников.

Позднее Воскресенский золотосодержащий медный рудник был откуплен в 1787—1788 гг. детьми Походяшина у Енталцова и у детей уже умершего Посникова. С этого времени рудник стал считаться медным.

В 1791 г. дети Походяшина продают заводы и рудники в казну, и Воскресенский рудник разрабатывается на золото. Руды, добываемые на нем, привозились на Богословский завод, где они дробились и промывались.

Благодаря архивным материалам Н. Чупина, оказалось возможным представить всю картину поиска и разработки месторождений золота на Северном Урале при Походяшине.

Месторождения золота на Кумбе и на Белом камне так и остались не востребованными. Возможно, у геологов вновь появится желание провести детальное обследование давно забытых месторождений. И не исключено, что какое-нибудь из них окажется пригодным к промышленной разработке. И заслуга в этом будет принадлежать Н. Чупину.

В выписках Н. Чупина по отысканию золота на Северном Урале есть и другая важная мысль: восстановить историю разработки рудных месторождений на Северном Урале. К этому побуждает найденный в его архиве отрывок «Доношения» Енталцова в Канцелярию Главного заводов правления. Он пишет по поводу спора с Походяшиным за обладание Верхне-Вагранским рудником: «В прошедших давних годах за реками Сосьвой, Волчанкой и около Княспинских озер еще и ныне видны знаки давних работ, но не ведомо, зачем совершенного в том заведении казенных заводов успехов тогда не произошло» (18).

Такая выписка Чупина наглядно показывает, что места вдоль старинной Вишерской дороги раньше кем-то были разведаны, и отдельные месторождения разрабатывались, но заводов не строили.

Исследование этого вопроса наводит на мысль, что руды на Вишерской дороге могли начать разрабатывать довольно давно, еще при Иване III, во времена существования Вишерской дороги в Сибирь. С вводом Бабиновской дороги (1697), существующий на Вишерской дороге городок-крепость «Лозьва» (в 30 км от с. Всеволодоблагодатского) был снесен, и сама дорога была закрыта.

Из летописей известно, что первая добыча руд была предпринята в 1491 г. Тогда на Цыльму отправилась экспедиция, в которую было набрано 260 человек для добычи руд и 100 человек (пермичи, вымичи, вычегчане) для сопровождения судов (19). Если сопоставить водные пути в областях, из которых были набраны люди для сопровождения судов, то получается, что суда сопровождались не от Москвы до Цыльмы, а, наоборот, от Цыльмы до Вишеры и проходили по известному в то время водному пути в Сибирь.

Разгадку такому противоречию дает историк Н. Полевой (20). Он пишет, что сначала были найдены медные руды на реке Цыльме и там были построены плавильные печи. Затем рудоискатели отправились дальше на Урал и нашли там руды, которые возили на Цыльму для плавки. По всей вероятности, привозимые с Урала руды содержали в себе золото и серебро. Поэтому в летописях и записано, что первое серебро и золото было получено на Цыльме. Из добытого золота была вылита медаль в честь дочери царя Ивана III — Феодосии.

Некоторые ученые на протяжении многих веков старались найти на Цыльме руды с золотом и серебром. Но в находимых рудах на Цыльме не было даже и признаков золота и серебра.

Медные руды там действительно имелись, их можно было заметить на склонах берегов и даже на отмелях во время понижения уровня воды в реке.

В то же время, медные месторождения на Северном Урале (в районе Княспинских озер и реки Волчанки), как показали исследования советских геологов, действительно содержала в себе полиметаллы с золотом и серебром (21).

Сопоставляя ряд фактов, можно сделать предположение, что рудознатцы еще при Иване III возили по Вишерской дороге

медные руды с золотом и серебром с Северного Урала. Строить же печи в местах добычи руд было рискованно, так как они располагались в диких и безлюдных местах, где в любой момент могли подвергнуться нападению вогул или татар.

Таким образом, выписки из архивных документов Чупина помогли внести ясность в вопрос о добыче первого золота и серебра в России, которая не решена учеными до настоящего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАСО, ф. 129, Оп. 1, Д. 187, Л. 260.
2. ГАСО, ф. 24, Оп. 1, Д. 1788, Л. 168.
3. Там же, Л. 152.
4. ГАСО, ф. 24, Оп. 25, Д. 313, Л. 41.
5. ГАСО, ф. 45, Оп. 1, Д. 206, Л. 59.
6. ГАСО, ф. 129, Оп. 1, Д. 187, Л. 74.
7. Там же, Л. 77.
8. Там же, Л. 73.
9. Там же, Л. 74.
10. ГАСО, ф. 24, Оп. 1, Д. 2090, Л. 82.
11. ГАСО, ф. 59, Оп. 3, Д. 2010.
12. ГАСО, ф. 129, Оп. 1, Д. 187, Л. 73.
13. ГАСО, ф. 24, Оп. 1, Д. 2090, Л. 77.
14. ГАСО, ф. 770, Оп. 1, Д. 7, Л. 5.
15. ГАСО, ф. 24, Оп. 1, Д. 2331, Л. 50.
16. ГАСО, ф. 129, Оп. 1, Д. 187, Л. 260.
17. ГАСО, ф. 24, Оп. 1, Д. 2331, Л. 51.
18. ГАСО, ф. 129, Оп. 1, Л. 187, Л. 79.
19. Полное собрание русских летописей. — 1977. — Т. 33. — С. 137.
20. Полевой, Н. А. История русского народа / Н. А. Полевой. — М., 1997. — Т. 3 — С. 273.
21. Фирсов, В. Я. Медь Урала / В. Я. Фирсов, В. Н. Мартынова. — Екатеринбург, 1995. — С. 13.

В. Г. Карелин, краевед (Екатеринбург)

Вогульская (мансийская) тема в творчестве Н. К. Чупина

Творчество Н. Чупина значительно. Д. Д. Смышляев указывал 29 его публикаций (1). С. З. Гомельская привела список трудов